

Глава 15. Е Цинлань

Настоящий Е Цинлань оказался куда холоднее, чем можно было судить по системному досье. Но за этой отстраненностью скрывалась едва сдерживаемая, почти яростная вспыльчивость.

Лин Ду откинул назад капюшон, открывая лицо.

В глазах Е Цинлани, разглядевшего гостя, промелькнуло глубокое изумление. Поддавшись первому порыву, он поспешно отодвинул стеклянную дверь балкона.

Лин Ду бесшумно переступил порог.

Реакция юноши породила в голове Лин Ду множество смутных догадок.

Лин Ду не стал подходить ближе. Он застыл у самого входа и аккуратно задвинул за собой раму.

— Ты меня знаешь? — спросил он Е Цинлани, который так и замер посреди комнаты, не сводя с него глаз.

Е Цинлань медленно покраснел. Он растерянно забормотал:

— Ты... ты Лин Ду?

Лин Ду искренне изумился.

«Невероятно. Я был уверен, что он встречался с Лин Хуанем и принял меня за брата. Но он с ходу назвал меня по имени»

Настроив регулятор феромонов, Лин Ду изначально выставил минимальный уровень излучения Лин Хуаня. Благодаря военному блокиратору феромонов из Спецотдела и плащу со специальной защитной подкладкой его собственный запах был надежно запечатан. Е Цинлань физически не мог почувствовать его биологический профиль.

Лин Ду не стал отпираться. Он остался стоять в шаге от Е Цинлани, мягко и успокаивающе глядя на него.

— Прости, что застал врасплох, — негромко произнес он. — Я сильно тебя напугал?

Е Цинлань замотал головой, выдав взволнованно:

— Нет, что ты... Вовсе нет.

— И тебе даже не интересно, зачем я здесь? — спросил Лин Ду.

Е Цинлань мгновенно прослезился. Вглядываясь в лицо гостя, он прошептал:

— Ты ведь знаешь, что меня увозили туда... Ты пришел, чтобы поддержать меня, верно?

Лин Ду внимательно взгляделся в его лицо, гадая, не помутился ли у юноши рассудок после пережитого насилия. Он никогда в жизни никого не утешал и попросту не умел этого делать. К тому же они виделись впервые. С чего бы Е Цинланю решать, что незнакомец явился ради душевных бесед?

«Я не смогу вернуть ему душевный покой. У меня нет для этого нужных слов»

— Боюсь, я плохой утешитель, — честно признался Лин Ду.

Е Цинлань широко раскрытыми глазами смотрел на него, но в его взгляде не было и тени разочарования.

— Однако если тебе понадобится помощь, — продолжил Лин Ду, — ты всегда можешь со мной связаться. Постараюсь сделать все, что в моих силах. Я оставлю свои контакты.

Е Цинлань согласно кивнул:

— Я знаю. Могу писать на электронную почту, верно? Мне известен адрес.

Когда юноша озвучил буквенно-цифровой код, сердце Лин Ду пропустило удар. Этим ящиком он сам не пользовался уже целую вечность, но, очевидно, кто-то другой перехватил управление и продолжал переписку от его имени.

— Это ведь твой ящик, — добавил Е Цинлань. — Мы все о нем знаем.

Лин Ду не выдал своего замешательства. Ему уже было предельно ясно, кто именно заправляет старой почтой.

— И у многих есть этот адрес? — поинтересовался он. — Школьная сеть полностью подконтрольна администрации, любой трафик отслеживается. Вас ни разу не ловили?

Этот почтовый ящик во внутренней сети для Омег Лин Ду когда-то зарегистрировал через сложную систему обходных путей. Он пользовался им недолго, еще будучи курсантом, а после

выпуска из Академии Камписиса забросил его окончательно.

В свое время он действительно доверил адрес нескольким близким людям, помогая через него советами тем, кто оказался в безвыходном положении. Но он и подумать не мог, что даже после его ухода письма с мольбами о помощи продолжают приходить, а кто-то невидимый возьмет на себя роль защитника и советника.

Сам он всегда скрупулезно зачищал логи и любые следы переписки, но вот заботился ли его таинственный преемник о столь же строгой конфиденциальности — оставалось большим вопросом.

Е Цинлань порывался подойти ближе и коснуться рукава гостя, но в последний момент робко отдернул руку. От его бывлой настороженной холодности не осталось и следа — теперь лицо юноши светилось робкой, детской радостью. Указав на стул возле письменного стола, он тихо спросил:

— Братец Лин Ду, присядешь?

Лин Ду покачал головой. Несмотря на то что он был плотно укутан в плащ, а на руках красовались плотные перчатки, оставлять здесь лишние следы — даже микроскопические частицы ткани — было недопустимой роскошью.

— Лучше я постою у двери, — мягко отказался он. — Мне нельзя оставлять здесь никаких улик своего присутствия.

Е Цинлань слегка омрачился от разочарования. Однако он тут же метнулся к столу, выдвинул ящик и извлек оттуда крошечную фигурку из ярко-зеленого нефрита — забавного пухлого мышонка. Протянув сувенир на ладони, он с надеждой произнес:

— Братец Лин Ду, спасибо тебе за все. Пожалуйста, прими это на память. Ты ведь возьмешь?

— Я не могу брать подарки, Сяо Е, — твердо ответил Лин Ду. — По таким вещам меня легко выследить.

К тому же совесть не позволяла ему забрать сувенир: ведь лично он ничем этому мальчику не помог.

Минутная обида Е Цинланя сменилась искренним пониманием. Он торопливо спрятал фигурку обратно и закивал:

— Да, конечно. Мы не должны подвергать тебя опасности.

— Сяо Е, мое время здесь ограничено. Пробраться на территорию Академии стоило огромных трудов, поэтому давай перейдем к делу. Мне нужно спросить тебя о кое-чем.

— Ты хочешь узнать об убийстве Ян Синъи? — догадался юноша.

— Именно, — подтвердил Лин Ду.

— Я так рад, что могу оказаться полезным! Спрашивай о чем угодно.

Лин Ду не стал сразу переходить к расспросам. Он пристально посмотрел на собеседника.

— Спасибо за доверие, Сяо Е. Но прежде всего я хочу, чтобы ты научился ценить и защищать себя. Понимаешь меня?

Е Цинлань послушно и часто закивал.

— Как вышло, что тебя отправили именно к Ян Синъи? У тебя есть догадки? И скажи честно: этот ублюдок Ду Вэй и раньше отсылал тебя подобным клиентам?

Е Цинлань помрачнел от яростного бессилия. Он судорожно хватал ртом воздух, силясь заговорить, но слова застревали в горле.

— Все в порядке, — мягко перебил его Лин Ду. — Никакие твои слова не изменят моего отношения к тебе. Я не стану тебя осуждать. Мне просто нужно восстановить цепочку событий.

Юноша нахмурился, силясь справиться с дрожью в голосе:

— Мне скоро исполнится пятнадцать. Нашему потоку предстоит финальная аттестация, которая решает судьбу распределения браков, так что все дико нервничали. Недавно нас возили в Управление по делам Омег на плановое обследование. А когда мы вернулись, администрация медицинского центра велела мне и еще нескольким ребятам срочно явиться к ним. Мы решили, что у нас плохие анализы, испугались за свое будущее и бросились туда со всех ног...

Е Цинлань замолчал и нахмурился. Он умоляюще уставился на Лин Ду, не в силах продолжить.

Лин Ду мгновенно сопоставил факты.

— И вместо врачей вас там ждал Ян Синъи?

— Да, — вскинулся Е Цинлань, и его голос сорвался на плач. — Он... он говорил такие вещи...

Мальчик вспыхнул пунцовым румянцем.

— Он сказал, что без ума от тебя, верно? — ровным тоном закончил за него Лин Ду.

Е Цинлань едва заметно кивнул, пряча взгляд.

Лин Ду тихо вздохнул.

— Сяо Е, умоляю, не верь ни единому его слову. Береги себя. Когда-то он вешал ту же лапшу на уши и мне. Для него это просто способ втереться в доверие и растоптать твоё достоинство — он повторял эти речи сотням, тысячам Омег. Мы должны сами определять свою ценность, а не ждать подачек. Иначе первый же снизошедший до похвалы Альфа вскружит тебе голову, и ты потеряешь себя. В этом мире есть достойные люди, но Ян Синъи к ним не относился. Ничтожество, у которого нет ни чести, ни сострадания к слабым, вообще не способно на искренние чувства. Он был недостоин даже дышать с тобой одним воздухом.

Е Цинлань разрыдался.

— Но воспитатели твердили обратное! — всхлипнул он. — Говорили, что внимание господина Яна — это величайшая награда, подтверждение моей исключительности. Велели зубами цепляться за этот шанс!

— Мне они пели точно такие же песни, — жестко усмехнулся Лин Ду. — Пойми, этим прихвостням наплевать на наши чувства. Им неинтересно, противно ли тебе общество мерзавца вроде Ян Синъи, чего ты сам хочешь от жизни. Наша цель — не стать бесправной игрушкой в руках извращенца, правда ведь? Слова этих людей гроша ломаного не стоят. Своим сладкоречивым враньем они превратили себя в соучастников преступлений, в палачей и чудовищ, да еще и гордятся своей подлостью.

Е Цинлань непрерывно кивал, утирая слезы кулаком.

— Я всегда мечтал стать инженером-программистом интеллектуальных систем... Пока у меня не определился пол Омеги, я учился в обычной школе, даже брал призы на олимпиадах по программированию. Но стоило мне попасть в эту золотую клетку, как о любимом деле пришлось забыть. Мне так больно осознавать, что мои сверстники развиваются, идут вперед, а я застрял на месте. Я больше никогда не смогу с ними конкурировать!

— Понимаю, — мягко произнес Лин Ду. — Но помни: мы можем полагаться только на себя, а не на милость хозяев. Даже будучи Омегами, мы имеем право заниматься тем, к чему лежит душа. Наше предназначение не сводится к тому, чтобы ублажать Альфа и вынашивать их потомство в обмен на фальшивое признание.

— Да... Именно так мы все и думаем, — прошептал Е Цинлань.

— Сяо Е, расскажи мне о том дне, когда напали на Ян Синъи. Что там произошло?

— Прости, но мне известно совсем немногое, — виновато опустил голову юноша.

— Поделись тем, что видел сам. Этого будет достаточно.

Е Цинлань ненадолго задумался, восстанавливая в памяти детали события.

— Я не знаю, какие именно мелочи важны для тебя, поэтому расскажу все с самого начала, хорошо?

Лин Ду ободряюще кивнул.

— В тот день у меня должно было быть много занятий, — начал Е Цинлань. — В четырнадцать лет у нас самая жесткая учебная программа. Я как раз складывал учебники в сумку, когда зазвонил стационарный телефон. Из приемной директора сообщили, что мне выписали внеочередную материальную помощь, и велели немедленно явиться на подпись. Сердце тогда сжалось от нехорошего предчувствия, но я не посмел послушаться.

— Понимаешь, моя семья едва сводит концы с концами. Мои родители — обычные Беты. Для многих это шок, но у Бета-пар тоже иногда рождаются Омегы.

— Я знаю. Моя мать тоже была Бетой, — кивнул Лин Ду.

Вероятность того, что у союзов Альфа-Бета или Бета-Омега родится ребенок с генами А/О, составляла ничтожные три сотых процента. У союзов же двух Бет этот шанс падал до микроскопических пяти стотысячных. В современную эпоху, когда Омегы были законодательно обязаны вынашивать детей самостоятельно, Беты могли прибегнуть к технологиям эктогенеза. И среди младенцев, рожденных в искусственной матке, пока не зафиксировали ни одного случая последующей дифференциации в Альфу или Омегу — по крайней мере, в открытых научных базах данных подобные сведения отсутствовали.

— Моя история немного сложнее, — вздохнул Е Цинлань. — Мама родила меня вне брака, а позже вышла замуж. Отчим невзлюбил чужого ребенка, поэтому меня с первого класса сослали в интернат. Затем мама родила ему троих общих детей. Огромная орава, хлопот выше крыши... Мама так и не вышла на работу, мы жили на копеечные пособия. Отчим перебивался случайными заработками в мастерской по ремонту машин с ручным управлением. Но таких автомобилей на дорогах почти не осталось, все давно пересели на автопилот. Работы не было, денег вечно не хватало.

— Братец Лин Ду, когда у меня определился вторичный пол Омегы, дома устроили настоящий

праздник. Мало того что государство выплатило им солидную разовую субсидию, так еще и все расходы на мое содержание, обучение и проживание полностью взяла на себя Академия. Мы, Омеги, имеем право обналичивать до десяти процентов от ежемесячного государственного пособия. Все эти деньги я до последнего цента отправлял маме, иначе они бы просто пошли по миру. Поэтому, когда секретарь упомянул материальную помощь, которую — как и именную стипендию — можно было снять со счета целиком, я закрыл глаза на дурные предчувствия и пошел.

Лин Ду слушал его с тихой грустью. Сяо Е совершенно не нужно было оправдываться за свое решение, но Омеги, загнанные в угол общественной моралью, панически боялись прослыть теми, кто торгует собой ради выгоды. Вот и приходилось выстраивать сложные логические цепочки. Лин Ду лишь сочувственно кивал, не перебивая излияния юноши.

— В приемной мне подсунули на подпись бумаги и слащаво завели речь о некоем «великодушном меценате», пожертвовавшем мне лично двадцать тысяч электронных кредитных монет. Братец Лин Ду, я учусь на отлично, вхожу в первую десятку потока, но моя стипендия — всего двенадцать тысяч электронных кредитных монет в месяц. На руки я получаю тысячу двести, из которых тысячу перевожу маме. Двадцать тысяч — это сумма, которую я собирал бы два года! Я прекрасно понимал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и за такие деньги от меня потребуют непомерную плату.

— Но старшие девочки говорили, что через это проходят многие. Мол, нас никто не посмеет пометить без официального распределения брака, а за рамки обычного эскорта и легкого флирта дело не зайдет... — Е Цинлань запнулся, собираясь с силами, и выдавил: — В общем, я согласился. Но перед уходом все же отправил письмо на твой адрес.

Лин Ду молча кивнул, показывая, что не винит его.

— Я вернулся в комнату, наспех покидал в сумку вещи, учебники, домашние задания... Секретарь предупредил, что поездка займет несколько дней, якобы для загородного отдыха. Мне было безумно, до дрожи страшно, — голос Е Цинланя сорвался на плач. — Я понятия не имел, к кому меня везут, что со мной сделают... Продал свою безопасность за жалкую пачку купюр. Ты ведь презираешь меня за это, да?

— Нет, Сяо Е, я не стану тебя винить, — твердо ответил Лин Ду. — Но пообещай, что это было в первый и последний раз. Никакие сокровища мира не стоят твоей жизни и твоего достоинства.

Он мысленно горько вздохнул. Большинство Омег в Академии никогда бы не оказались в подобной ловушке. Рожденные в классических семействах Альф и Омег, они с детства купались в роскоши и не знали нужды.

Беты среднего достатка, стремясь избежать рисков естественных родов, практически всегда выбирали эктогенез. Дети из искусственной матки гарантированно оставались Бетами. Соответственно, Омеги появлялись в семьях Бет лишь в редких случаях: либо если родители были фанатичными сторонниками естественного деторождения, либо если семья была

слишком бедна для оплаты медицинских технологий, либо когда беременность наступала по глупости в юном возрасте. В таких неблагополучных домах внезапно проявившийся ребенок-Омега мгновенно превращался в дойную корову, обязанную кормить всю родню. Мало того что они отдавали стипендию во время учебы, так и после принудительного замужества, когда их личные счета пополнялись солидным содержанием от супруга-Альфы, на их плечи ложилось обеспечение целого выводка родственников.

В стенах элитарной Академии Линсяо царила пугающая социальная пропасть. На одном полюсе жили изнеженные, наивные создания, не знавшие забот, на другом — вечно хмурые, изможденные бытом подростки, несущие на плечах непосильный груз ответственности.

Лин Ду бегло оглядел скудную обстановку комнаты Е Цинланя. Ни единой безделушки, ни одной личной вещицы, радующей глаз. Мальчик экономил на каждой мелочи, отказывая себе во всем ради переводов матери. А родственники, вероятно, свято верили, что в престижном пансионе ребенка обеспечивают всем необходимым, и даже не задумывались о его нуждах.

Е Цинлань поспешно вытер кулаком покрасневшие глаза.

— Меня увезли на закрытом лимузине. Ближе к сумеркам машина въехала на территорию Сада Нефритового Пруда. Когда я осознал, что нахожусь в императорской резиденции, меня охватила паника. Я никак не мог взять в толк, кому из царственных особ я понадобился.

Каждый подданный Империи Великая Чжоу знал, что Сад Нефритового Пруда — это закрытые императорские владения. Будь Лин Ду на месте Е Цинланя, он бы тоже опешил от такой наглости. Похоже, Ян Синъи в край потерял берега, раз устраивал свои грязные оргии прямо под носом у супруги. Неудивительно, что Принцесса Юйцзэ питала к своему мужу-консорту столь лютую, испепеляющую ненависть. Тот факт, что принцесса за столько лет брака так и не обзавелась наследниками, лишний раз доказывал: их идеальный союз существовал исключительно на страницах светской хроники, а в реальности они едва переносили общество друг друга.

— Меня привезли к уединенному одноэтажному павильону из темного дерева, скрытому в густых зарослях цветущего кустарника. Внутри было очень тепло, пахло паром от горячих источников. Меня заперли в небольшой уютной комнате. Поздно ночью пришел Ян Синъи. Увидев меня, он неподдельно удивился. Оглядел с ног до головы и ухмыльнулся: «Ого, и откуда к нам приболудился этот прелестный котенок?»

Е Цинлань зябко обхватил себя руками за плечи.

— Я сразу узнал его лицо по новостным голограммам. Страх сковал все тело. Как он смел устраивать подобные бесчинства в императорском саду? Я панически боялся гнева принцессы. Запинаясь, я ответил, что учусь в Академии Камписиса.

Принцессу Юйцзэ знали и любили все воспитанники: она регулярно посещала школы для Омег с благотворительными визитами и лично общалась с курсантами.

— Ян Синъи лишь рассмеялся, — продолжил Е Цинлань, и на его лице снова проступила краска стыда. — Он процедил: «Так это работа Ду Вэй? Надо же, старый лис как всегда угадал мои желания». Затем он велел мне подойти ближе, бесцеремонно схватил за руку и притянул к себе. Прошептал на ухо: «Какой изысканный аромат. Ду Вэй знает толк в моих вкусах. Ты чертовски хорош, малыш. Жаль только, твоя нежная красота расцветает под луной, а сейчас на улице серость и холод. Неудачное время для свидания».

Лин Ду уловил в этом рассказе странное несоответствие. Он слишком хорошо знал повадки покойного Ян Синъи. Тот никогда не отличался деликатностью или изысканными манерами при общении с беззащитными Омегами — хватал то, что хотел, и говорил гадости прямо в лоб. Для этого похотливого животного они были не более чем забавными говорящими куклами, не заслуживающими даже толики галантности. Однако его вежливое удивление и туманные комплименты указывали на одно: Ян Синъи понятия не имел, что Ду Вэй пришлет ему Е Цинланя именно в этот день.

«Значит, появление Е Цинланя в павильоне было заранее спланированным ходом в чужой игре. Приманкой, обеспечившей идеальные условия для покушения»

Ян Синъи, как-никак, был Альфой и в юности прошел суровую подготовку в военной академии. Несмотря на распутный образ жизни, он обладал отличной реакцией, недюжинной физической силой и всегда находился под бдительной охраной личных телохранителей. Убрать такую цель — задача не из простых. А совершить это в тщательно охраняемой резиденции членов правящей династии и вовсе казалось невозможным. Вопросов было куда больше, чем ответов.

Если убийство действительно совершил Лин Хуань, у него обязан был быть безупречный, до мелочей выверенный план. Брат никогда бы не стал действовать на авось, ведь малейшая ошибка мгновенно обрекла бы Лин Ду на верную гибель.

По законам империи, Лин Ду, будучи Омегой, был лишен права наследования. Сейчас они жили вместе с братом. Случись с Лин Хуанем беда — и Лин Ду в одночасье лишился бы крыши над головой, оказавшись в казенной комнатухе социального приюта для Омег. Все семейные активы, недвижимость и счета были бы изъяты в пользу влиятельного клана Ян в качестве компенсации за ущерб. А если бы после судебных выплат и осталось хоть какое-то имущество, оно ушло бы с молотка или перешло к дальним родственникам по мужской линии, но никак не к нему.

Вот почему Лин Хуань так отчаянно пытался поскорее выдать его замуж. Стоило Лин Ду официально заключить брак, как брат смог бы переписать все имущество на его супруга-Альфю и со спокойной душой, без оглядки пуститься во все тяжкие, не боясь оставить Лин Ду нищим на улице.

Но Лин Ду по-прежнему оставался холост. Идти на такой безумный риск, не обеспечив безопасность близкого человека, со стороны Лин Хуаня было бы верхом безрассудства. Однако теперь, зная, что брат тайно перехватил его старый виртуальный ящик и вел активную игру в тени Академии Кампсиса, Лин Ду окончательно убедился: за этим убийством скрывался изощренный и смертоносный расчет.

<http://bllate.org/book/20623/2146801>